

ЮЛИЙ
КРЕЙН

ОЧЕРЕДЬ

Хроники одной больницы

“КНИГА - СЭФЕР”
2013

Хроники одной больницы

Юлий Крелин

Очередь

«Книга-Сэфер»

1980

Крелин Ю. З.

Очередь / Ю. З. Крелин — «Книга-Сэфер», 1980 — (Хроники одной больницы)

Повесть Юлия Крелина «Очередь» о том периоде жизни нашей страны, когда дефицитом было абсолютно все. Главная героиня, Лариса Борисовна, заведующая хирургическим отделением районной больницы, узнает, что через несколько дней будет запись в очередь на покупку автомобиля. Для того, чтобы попасть в эту очередь, создается своя, стихийная огромная очередь, в которой стоят несколько дней. В ней сходятся люди разных интересов, взглядов, профессий, в обычной жизни вряд ли бы встретившиеся. В очереди свои радости и огорчения, беседы, танцы и болезни. На 4 дня вся жизнь нескольких сотен людей – одна большая ОЧЕРЕДЬ.

© Крелин Ю. З., 1980

© Книга-Сэфер, 1980

Юлий Крелин

Очередь. Хроники одной больницы

Лариса Борисовна положила ручку, взяла колпачок, лежавший справа, навинтила, положила ручку прямо перед собой, заложила руки за голову, потянулась, выгнулась, как кошка – только вперед, закинув голову и плечи, – потянулась без звука, тихо, потом с силой, а вовсе не безвольно, бросила руки вниз, вдоль тела, почти к самому полу, словно стряхивая с них воду. Может быть, и правда она стряхивала ту воду, которая, пожалуй, слишком заливала что-то нужное и действительно важное в диссертации. Ясная мысль работы была уже исчерпывающе изложена в восьмистраничной журнальной статье, а в капитальном труде своем Лариса обязана дать значительно больше, иначе ее работу в качестве диссертации никто и рассматривать не будет. Лариса оперлась о стул, вроде бы хотела встать, но вновь обмякла, ослабла и растеклась по стулу, по спинке его и сиденью.

Затем повернула голову налево, повернула медленно, нерезко, и ее волосы, хоть и свисали свободно вокруг головы, все-таки не шелохнулись. А она так любила встряхивать волосами, когда не прикрывала их стандартной хирургической шапочкой – в прошлом всегда белой, а теперь, то зеленой, то голубой, а то и вновь белой – в зависимости от того, какие привезут в отделение со склада.

У изголовья ее ночного ложа стояли часы, светящиеся четырьмя красными цифрами, из которых, по крайней мере, одна каждую минуту исчезала, давая место следующим мгновениям. Но когда она бросила на часы взгляд, спокойно, как будто так было всегда и будет вечно, сияли четыре нуля – ноль-ноль часов ноль-ноль минут.

Лариса улыбнулась часам: «Время кончилось. Смешно. Чье? Одно время кончилось – придет другое. Без времени, без минут, без часов, без дней, без годов, без века... Без века, без-векий... Безвекий всегда смотрит. Это, наверное, Бог. Он всегда смотрит, ему веки не нужны, ему и века не нужны. А если б он действительно реально существовал, каково бы было ему?! Нет, веки ему нужны: как же иначе слезу смахивать, чтобы видеть?.. Нужны... А эта диссертация – зачем бы она ему? Не нужна... не нужна...»

Лариса снова взяла список документов, анкет, протоколов, реестрик ее научных работ и прочее, что необходимо подготовить, проверить, сдать в различные инстанции, конторы, кабинеты. Все уже сделано, теперь надо только проверить и окончательно создать «защитительный» диссертационный список. Кошмар, если забудешь какую-нибудь ерундовину, а выяснится все в день защиты. Кошмар!

До защиты осталось совсем мало времени.

«Ноль часов ноль минут. Впрочем, минут уже не ноль. Безвременье кончилось. Грядет время диссертации».

Лариса усмехнулась, повернулась к телефону, сняла трубку, набрала номер отделения.

– Добрый вечер. Это Лариса Борисовна. С кем я говорю?

– Добрая ночь, Лариса Борисовна. Симонов. У нас все в порядке.

– Андрей Евгеньевич? Да, пожалуй, ночь не вечер. Как Кочнева, Андрей?

– Нормально. Температура ниже. Одышка меньше. Живот спокойный.

– А Полупанов?

– Да все так же. Ничего хорошего. Я ничего и не делаю нового. Что ж там делать?

– Верно. Ни-че-го! Ну ладно, стало быть, ничего не произошло особенного?

– Все, как говорится, о'кей.

– Я вас не разбудила?

– Нет, конечно. А если и разбудили? Разве б я сказал такое начальству?

У обеих трубок пробулькал деланный смех. Острота тем самым была утверждена как удачная и правомочная.

Лариса встала, расстегнула кофточку, сняла, расстегнув, юбку, уронила на пол, вышла из юбочного круга, посмотрела на него сверху, не сразу, но нагнулась, подняла и положила на стул. После ванной она, уже в халате, полистала вновь свои бумажки и сложила их в папку.

Потом подошла к окну и посмотрела на машину. Снега было немного. Это хорошо: машину не занесло. А когда она уедет около семи утра, дворники расчистят это место, и вечером опять будет куда поставить машину.

Как-то они ей сказали, что по чьему-то постановлению, каждый владелец машины должен сам отгребать снег от своей подвижности на полтора метра вокруг. Но, узнав, что Лариса Борисовна хирург, переменили тон. С тех пор площадка эта всегда чистая.

Удачная профессия.

Правда, если б они знали, что настоящий владелец, истинный владелец не она, а ее муж – физик, возможно, и не были бы столь любезны. И действительно, какая от них, от физиков, польза?

Стас, Станислав Романович, к машине сейчас не прикасался и знать ее не хотел. Когда-то его лишили прав за выпивку, которая законно несовместима с вождением машины. С тех пор он решительно отказался от этих автомобильных радостей и даже не пытался восстановить свои права на вождение.

– Я не хочу дополнительных ограничений в моей жизни, – говорил он. – Хочу – пью, хочу – курю, никому не мешаю. А так я всю жизнь нарушитель за пазухой. Хочу быть свободным, и потому имущество мое – враг мой. Чем больше человек имеет, в том числе и власти, пусть даже над тобой, женщина, и над машиной, тем меньше у него свободы воли, тем больше ограничений. И, желая всеобщей справедливости, он, то есть я в данном случае, будет стремиться уравнивать с собой всех зависимых от него, в данном случае тебя, то есть. Тяга к справедливости и равенству. Так что сама катайся. Я для машины пальцем о палец не ударю. Да, мне нравится пить, и я буду пить. А ты катайся, возись с этой лошадью, игрушкой, дополнительной нагрузкой. Мне нужно побольше удовольствий и поменьше обязательств.

Такой разговор состоялся у них в самый разгар работы над диссертацией. В общем, давно, но и не так давно. Лариса перевела тогда речь с машины на выпивку. Только это было бесплодно, тяжело и к сближению точек зрения не привело. Станислав, как всегда, заболтал мысль в философских положениях, остротах, никчемных обобщениях.

– Я понимаю, тебе тяжело, но нечего заводить дурацкий разговор о вредности. Вредно все. Яйца есть тоже вредно – ты же ешь. Оставим лучше... Я снял с себя руководство домом – ты у меня начальник, ты и командуй. Но в одном права: питье плохо тем, что окружающим тяжело. И я стараюсь уменьшить эту тяжесть, стараюсь, чтоб было менее тяжело.

– Тяжело? Не-вы-но-си-мо! Да, в конце концов, я тебя не вижу, не знаю: пьяный ты несносен, невозможен, ты – это не ты, а мерзостный фантом. Тебя практически нет в моей жизни. Ты сильный человек, питье же – всего лишь человеческая слабость.

– Всего лишь! Ну и пусть слабость! Человек и создается слабостями. Все наши радости – производное, функция наших слабостей. У животного слабостей нет.

– Вот и ты доводишь себя до состояния, когда слабостей твоих уже не видно.

– Полна противоречий! И это она, кто «некогда меня встречала свободного» свободною любовью.

– Не ерничай! Суесловя, ты вовсе слабостей своих не чувствуешь.

– Чувствую, дорогая, чувствую. Оттого и маюсь. А когда человек не мается, он не человек, он только ест, пьет, двигается, да и поступки совершает в основном двигательные.

– Я знаю, говорить ты умеешь!

– И эта женщина меня свободного... Да я просто за слабости. Надо потакать человеческим слабостям. Когда же делаешь все правильно, то способствуешь только тому, что необходимо, целесообразно. Люди тогда – пусть и не животные, но машины, без слабостей, они – компьютеры. Нет печалей – нет и очарованности.

– Стасик, милый, я тебя прошу, побудь хоть когда-то со мной. Колька тебя еще видит, утром общается, у меня же только воспоминания юности... Да еще ночные встречи, когда я тебя все-таки вижу, но ты полумертвый, бездвижный. Лишь иногда прорвешься к тебе – и опять... Порой так хочется сделать что-нибудь назло тебе... ударить, что ли, пока ты не в состоянии ответить. Ударить и душу облегчить.

– Ох, женщина, ты забыла, по-моему, все, что было в эпоху свободной любви и совместных радостей. На работе, например, если вдруг начинаешь замечать, что хочешь сделать «назло» или «из принципа», надо увольняться. Поняла? Что ты диктуешь мне? Что ты знаешь?! Хочешь ударить назло – бей. Когда захочешь – бей, обязательно бей. Не хочешь руководить – бей. Но вообще-то давай уволимся.

– Дурак ты, Станислав. Чтоб из-за водки я забыла, выкинула из жизни все прошлое?! Ты помнишь, как я целые сутки летела к тебе? Сначала самолеты не шли, потом шли, но я не попала, а уже сообщила тебе, что вылетаю. Ты всю ночь сидел, ждал. Когда я не появилась последним рейсом, кинулся в аэропорт. А меня все нет. А я на другом конце маршрута носилась по другому аэропорту. И лишь через сутки прилетела, и ты, бледный, с губами белыми, орал на меня. Я, конечно, была виновата – не надо было звонить, и ты орал, говорил, что я сволочь безответственная. А я видела: любишь. И заходила, глядя на твои белые губы, и сквозь брань твою слышала, слушала мелодию: «Любит!» И мне хотелось, чтоб ты меня ударил... Как ты был красив, сладкоречив, прекрасен...

– Женщина, по-моему, ты вспомнила уже все, что было и до реставрации Бурбонов...

– Шут! И ты хочешь, чтоб я зачеркнула все это сама, своими силами, руками, головой?! Из-за чего? Из-за водки? Чтоб она была сильнее моих человеческих слабостей? Да чего ж я стою тогда? Увольняй! Я, почему о водке говорю: не вижу твоих человеческих слабостей. Покажи мне твои человеческие слабости. Ты работаешь, ничего не скажу, пишешь что-то, считаешь, бормочешь, стучишь на машинке, но это все утром. Утром ты человек, творец, может быть. Ну, а мне утром надо на работу, в больницу, утром мы – машины. А вот вечером, когда я расслабилась, очеловечилась и вся наполнена слабостями, твоих слабостей к этому времени уже не нахожу...

Таков был тот дурацкий разговор за ужином, в один из светлых вечеров, когда Станислав был вполне, выражаясь нынешним языком, коммуникабелен. Но, очевидно, не чувствуя себя абсолютно правым, прикрывал смущение скоморошьими речами. Они ели сыр с чесноком, и Стас стал объяснять, почему ему не нравится чеснок. Начал подводить очередную теоретическую базу под свои вкусы, желания и неприязни. С той же нагло-виноватой усмешечкой он стал рассказывать, как недавно в одной статье прочел, что сегодняшняя любовь к пище с острым запахом – это атавистическое пристрастие к тухлятинке, к тухлой еде, обычное у наших древних предков – гоминидов, еще получеловеков. Отказываясь от резкого запаха еды, человек-де просто старается уйти подальше от своего прошлого дикарства. Но это ерничанье было лишь остатком былого обаяния Станислава. Лариса закурила и осторожно смахнула из угла глаза слезу.

Потом разговор опять перешел на машину. Стас сказал, что он в эти игрушки больше не играет, снова пожелал ей счастливо кататься. И было ясно, что сам он, как и сказал, для этой никчемной безделицы пальцем о палец не ударит, разве что деньгами будет способствовать этому ее идиотскому счастью рулить на дорогах, от дома до работы. От магазина к магазину.

Катайся! Деньги! Легко говорить. Машина подошла к критическому возрасту, пришел ее срок, надо менять, а как купишь без него? Деньги он даст, но этого мало. Записи на машину

давно не было. Когда-то можно было записаться, стать в очередь. Давали тебе номер, и жди себе два года, три, десять, неважно, сколько времени, – придет оно. Сейчас же запись объявляется редко и неожиданно. А на работе в год на всех медиков дали только три машины.

Собственно, потому-то она и вспомнила тот разговор о пьянстве, аэропортах и слабостях человеческих. Все дело в машине. Не в диссертации забота и загвоздка...

Лариса стояла в своем кабинете после операции, стаскивая операционную робу, но все еще оставаясь там, у стола. Иногда уходишь после операции, и все неизрасходованные силы отдаются болтовне, чаю, предвкушению радостей или печалей, предуготованных сегодняшней, будущей жизнью или еще более далекой. Или что-то хочешь, о чем-то думаешь или чему-то радуешься, что-то кручинит тебя. А иногда вспоминаешь оконченную операцию, проигрываешь внутри себя все заново: достаточно ли надежно получилось. Конечно, не бывает такого, чтоб недоделал, но степень надежности нередко вызывает сомнение. Ведь снова не полезешь в живот. Все! Зашиито. Захлопнута коробочка.

И сегодня Лариса не была уверена в надежности и думала: есть ли ошибка, а если есть, то ее ли это ошибка, ткани ли такие, руки ли не так стали ходить?

Сняла пижаму, надела юбку, натянула свитер, взялась за халат.

Раздался звонок.

– Лариса Борисовна, здравствуйте. Приветствует вас Визиров, из райисполкома.

– Здравствуйте. Я слушаю вас.

– Вы меня не помните?

– Вы уж простите...

– Вам еще звонил двоюродный брат ваш, Григорий Яковлевич. Вспомнили?

– Не припомню. Но это неважно. Вы больны?

– У вас лежала бабушка моей жены.

– А сейчас что? У нас?..

– Нет. Сейчас она дома.

– Что, плохо? Что с ней?

– Все хорошо. Я хотел сказать спасибо. Не вспомнили?

– Нет. Извините. Память плохая стала. Постарела, наверное.

– Как же так? Гриша вам столько раз звонил. Я приходил, из райисполкома.

– А давно?

– Полгода уже.

– О-о! За это время столько воды утекло. Ну, раз все в порядке, я рада. Передайте привет бабушке, больной нашей. Спасибо, что не забыли...

– Как же вы не помните? Из исполкома... Гриша звонил... Она лежала с переломом бедра, непроходимость у нее началась...

– Конечно! На животе рубец от старой операции. Худая. Черная, с сединой? В восьмой палате у окна налево?..

– Да, да!..

– После капельницы лучше стало: я даже думала, от операции уберемся. Думала, обойдется.

– Ну!

– Так и говорили бы: перелом, непроходимость, а то – исполком, Гриша. Перелом помню, как не помнить... И непроходимость – спаячная.

– Ну, слава Богу! Лариса Борисовна, совершенно конфиденциально, и, пожалуйста, никому не рассказывайте. В субботу на пустыре против райисполкома будет запись на машины.

– Объявят?

– Да вы что! Нигде ничего объявлять не будут.

– А как же люди узнают?

– Не волнуйтесь. Кому интересно – звонят, выясняют, а в пятницу мы им скажем.

– Что же мне делать?

– К сожалению, записать я вас не могу, но хирургов, которые оперируют наших близких, мы не забываем. Я думаю, что со вторника надо там занять очередь.

– Как же занимать, когда никто не знает?

– Не знает! Вы-то уже знаете.

– Очередь будет из одних хирургов?

– Нам и нашим близким нужны не только хирурги. Теплые, благодарные отношения между людьми – вещь частая, нередкая. Люди всегда помогают друг другу. К сожалению, мне не удалось помочь вам записаться на машину через райздрав. Попробую.

– Спасибо. Большое вам спасибо. А как это будет технически? Как это все делается?

– Придут люди и организуют очередь. В порядке «живой» очереди.

– А много будет машин?

– Этого нам не сказали.

– А у кого записываться? Там будет кто-нибудь?

– Наверняка. Есть же природные организаторы.

– Значит, надо записаться в список и можно уехать?

– Лариса Борисовна! Вы как ребенок. Как это уехать? Вычеркнут из очереди! Кто-то должен быть все время. Все четыре дня. Поочередно: вы, муж, еще кто-нибудь.

– Муж! Муж на машине не ездит.

– Он же ездил?

– Отобрали права.

– Пьяный был?

– Может, не очень, но было.

– Сколько времени прошло? Можно попытаться помочь ему. Там есть связи.

– Да не хочет он. Очередь! И так деньги его. Не на мои же доходы машину покупать. Кто деньги дает, кто руль держит, а кому – в очереди стоять. Вернее, тому и стоять. Ну да ладно, спасибо. Значит, надо брать отпуск за свой счет на эти дни?

– Не знаю, Лариса Борисовна, но больше я ничем помочь не могу.

– О чем вы говорите?! Спасибо и на этом. Да еще какое спасибо!

«Ничто так не способствует самоутверждению, как возможность помогать, – подумала Лариса. – Сразу чувствуешь себя человеком. От доброты лучше всего дающему. Поможешь другому, полюбишь другого, и, стало быть, и себя. А потом, глядишь, и он тебе помог. Или вот сестру на работе за недоделку, даже пусть не сестру, пусть доктора, да кого угодно обругаешь – и вроде квиты. Он не сделал – ты отругал. А промолчишь – и он должник твой. Да и вообще... Люди чаще всего ругают что-то в ком-то, подозревают в ком-то что-то сознательно плохое, ища, вымучивая, изживая, а то и усиливая свои собственные скрытые или явные пороки, недостатки, слабости, и всегда люди чаще думают, говорят, ругают то, что сами ощущают, делают, могут сделать. Про незнакомое лишь слушают и даже не ругают. Впрочем, ругают тоже. Совсем запуталась... – Лариса думала с благодарностью и о себе и об этом благодетеле. – Люди и должны поддерживать друг друга...»

И наступил день. Лариса приехала в указанное место.

Слева, чуть поодаль, стоял дом с колоннами, построенный, наверное, в конце сороковых годов, – райисполком. Когда-то это был горисполком, но теперь бывший город слился с Москвой, поглощен ею. Перед Ларисой лежал пустырь. За пустырем – новый дом, длинный, подъездов на пятнадцать. Чуть дальше – еще строение, тоже дом жилой. Еще дальше – стройка. На пустыре одиноко стоял какой-то маленький домик, похожий на закрытую беседку. Хорошо, что дело к весне идет, солнца все больше и больше, а то ведь и замерзнуть можно. От домика уже тянулась очередь человек в триста. Лариса решила пройти к началу и все разузнать, но

предварительно выяснить, кто же со списком, и записаться. А уж там видно будет. Записалась. Замкнула собой эту череду людей. Сразу пойти на рекогносцировку ей не удалось. Очереди имеют свои законы: нужно дождаться следующего, определиться и зафиксировать свое место живым человеком, а не только мертвым номером, списком на все терпящей бумаге.

«Не похоже, чтоб большинство хирурги. – Лариса оглядывала своих соседей на ближайшие несколько суток. – Публика вполне респектабельная... В основном мы все в какой-то степени мещане. В основном о вещах думаем, о своем заботимся, машину приехали приобретать. Странное дело: мещанин – это ведь тот, кто не торопится, боится быстрых перемен, жаждет устойчивости, покоя, опасается новаций, да, да, не торопится. А тут машина! Может, все-таки торопится? А? Кто ж его знает. Мещанин ни с чем не борется. Но ведь если борешься с кем-то, с чем-то, идешь супротив чьей-то мысли, это уже не собственная позиция, а просто античья-то позиция. Нет личностной самостоятельности».

Эти сомнительные – Лариса понимала – да и не очень стройные, резонерски самодовольные мысли были прерваны еще одним подъехавшим, также, очевидно, будущим очередником.

Сколько ж их, узнавших еще неизвестное! Несть им числа.

У домика сбились в группку несколько энергичных молодых людей, так сказать, оргкомитет. Они-то и решали все вопросы.

– Я думаю, товарищи, чтоб проще следить за очередью, за порядком, разобьемся на сотни.

– Точнее?

– У каждой сотни – свой организатор. Он следит за порядком, проверяет, держит список. Наделен не державной, но общественной властью.

– Это правильно. Чтоб очередь не расплзалась. Чтоб не занимали место и не уходили невесть куда. Чтоб все постоянно на виду были.

– Разумеется. У сотенного списочек, и он с помощниками – их тоже выберем – время от времени неожиданно будем проверять.

– Правильно. Скоростижно.

«Вот этот врач», – решила Лариса, прислушавшись к речам отцов – пионеров очереди.

– Если кого-то не оказалось на месте, вычеркиваем. Все дружно одобрили.

– Значит, есаулы будут... – не выдержала Лариса. Никто не отреагировал на ее неуместный, разумеется, юмор.

Лариса подумала о Стасе. Он бы, конечно, что-нибудь ввернул. Вспомнил бы, как принято у их поколения, Остапа Бендера, вернее, его родителей – Ильфа и Петрова. Может, вспомнил бы митинг, посвященный открытию в городе первой трамвайной линии. Стас оценил бы Ларисину реплику: «В толпе внезапно послышался громкий смех Остапа». Это в ответ на речь одного из отцов города: «Трамвай построить – это вам не ешака купить». Действительно, слова Ларисы были сродни одинокому смеху Остапа.

Никто не отреагировал. То ли не обратили внимания, не расслышали, то ли не до юмора им было в столь ответственный момент.

– Вычеркиваем обязательно. – Этот «отец» очереди посуровел, все-таки расслышал, наверное, неуместную реплику неизвестно откуда свалившейся на них женщины. – Значит, так: считаем, и первая сотня сразу же выбирает своего сотенного, затем переходим к следующей группе, сотне. Так? Так. И так далее.

Оргкомитет, инициативная комиссия – как их еще можно назвать? – со списком в руках пошла считать своих людей, так сказать, по головам. Отсчитали сотню – собрание, выборы. И дальше.

Лариса попала в четвертую сотню. Однако уже вечером, при повторном пересчете, недо считавшись многих, провели быстрое перераспределение, и Лариса оказалась в третьей.

«Хорунжий» их стаи понравился ей. Это был относительно молодой, энергичный человек, работавший где-то в институте научным сотрудником, мужик явно технического склада. Ходил он вокруг своих людей походкой ковбоя из американских вестернов, но когда Лариса впоследствии увидела его в стороне от руководимого им общества, и походка и осанка стали иными. Разве что он немного по-журавлиному выкидывал вперед ноги, перенося свой торс, но уже не покачивал ни широкими плечами, ни узкими бедрами, не сгибал руки в локтях. Здесь, во главе своей стаи, и в обычной жизни он ходил по-разному. Но сравнительный этот анализ Лариса смогла произвести лишь потом, днем-двумя позже.

Вначале был список, бумага. Очередь была потом. Никто не знал, какие ждут их коллизии, и потому на всякий случай не расспрашивали друг друга ни о работе, ни о профессии, ни об общественном положении.

Наступил вечер, и пока совершенно неясно было, как им жить дальше.

Было темно. Топтались люди. Снег интенсивно таял, бежали ручейки, которые могли бы воскресить у этих людей спокойные радости детства, но, к сожалению, никто не наслаждался гонками корабликов в талых потоках. Все находились в предвкушении иных радостей.

Свет прожекторов со стройки падал на домик, который был началом и духовным центром очереди, а от домика черная тень тянулась на чуть уже осевший снег, где он не был затоптан, и на серое месиво, которое уже натоптали люди. Месиво становилось чернее тени на еще не исхоженном, девственном снегу. Окна нового дома светились разноцветными огнями люстр, ламп и опять ставших модными абажуров. На улице, возле исполкома, стояли фонари с ртутными, а может, и не ртутными, может, правильнее их называть люминесцентными лампами – все эти прилагательные не имели для Ларисы никакого смыслового наполнения, а были просто застрявшими в голове звуками, словами. Фонари ярко светили у тротуара, придавая мертвящий оттенок лицам людей, и не излучали почти никакого рассеянного света – как звезды на небе, которые ярко сверкают, но разглядеть что-нибудь не помогают. Как физические тела или как моральные, душевные звездоединицы, они, звезды, сверкают лишь для того, чтобы хорошо видели их, чтобы обозначить себя в этом мире, а света не дают. И у Ларисы на душе стало холодно от этих фонарей. Как водитель она их тоже не любила, эти лампы.

Лариса справилась с тягостным ознобом, включив в машине печку. Обогревшись, вышла к еще зыбкой очереди.

Недалеко, в той же сотне, оказалась женщина из их дома, соседка. Тамара Васильевна знала Ларису и по больнице, где лежал и оперировался кто-то из ее родственников. В этой необычной и долгой очереди знакомая женщина была просто подарком судьбы. Они тотчас наладили контакт и старались держаться поближе друг к другу. По крайней мере, не хотели расставаться, делали все, чтобы по возможности быть вместе. Они угнездились в машине, развернувшись лицом к очереди на случай какой-то срочной надобности – проверки, например, которая быстро бы потребовала их на арену основных событий.

Дамы уже обсудили все, что можно было обсудить. И кинофильмы, и спектакли, артистов, книги... И естественно, прежде всего, вспомнили о бывшем Ларисином больном, лечение которого в основном и послужило поводом их тогдашнего знакомства, сегодняшней дружбы и сиюминутного, нынешнего разговора. К сожалению, общих знакомых не было. Они сидели в тепле, в машине, много рассказывали друг другу, расспрашивали, не таились и, как это часто бывает в очереди на улице, в холоде, говорили иногда с излишней откровенностью. Лариса рассказала и про диссертацию, и про целый ряд бед из разных сфер своего бытия, что, наверное, было напрасным с точки зрения сдержанного интеллигента. Но ведь и ситуация была крайне необычной.

Около двенадцати подошел к машине их вожак:

– Ну что, девочки, хорошо стоим?

– Хорошо сидим.

– Да, вы-то сидите. Если б можно было машины поближе поставить, почти все б так расселись. Оперативненько было б.

– Хорошо, что они это место выбрали. Удобное: ни прохожих, ни транспорта – никому не мешаем.

Теперь они познакомились поближе. Звали его Валерием Семеновичем. В машине он не выглядел столь деловым, энергичным, суровым, и Лариса помягчала к нему. Она считала, что люди действия, действующие и умеющие действовать, энергичные, иногда бывают опасны. Во всяком случае, с ними надо быть настороже: у них часто действие предваряет мысль. Умение действовать, считала она, уменьшает внутреннюю потребность, необходимость, да и возможность подумать. Дело, дело, дело! А когда думать? Тем и опасны энергичные люди. Но сейчас, в машине, Лариса в нем такой уж энергии и деловитости не увидела. Пожалуй, даже излишне мягок для той роли, которая пала на него, которую принял он на себя.

Валерий Семенович тоже, оказывается, на неделю взял отпуск за свой счет, потому что машина для него крайне необходимая вещь: во-первых, он с детства их любит, во-вторых, в институте с ними работает. Наконец, это удобно, да и разъездов по городу много. Но главный его аргумент, мотивировка, главный резон – любовь к машине. Об этом он говорил долго и громко.

Может, действительно это и есть главное? Всегда главное?

– Вы сами с ней возитесь? – Лариса, очевидно, уже кокетничала: ведь все и так было ясно.

– Я ж люблю ее. Естественно, сам, Лариса Нарциссовна.

– Борисовна.

– Не мелочитесь. А если отбросить и Нарцисса и Бориса?

– Думаю, греха не будет.

– Это как раз неизвестно. – Все улыбнулись. – А вы, Лариса, давно ездите на машине?

– Года четыре.

– У вас первая?

– Первая. Пора менять.

– Пора, пора. Хорошо освоились с ней?

– По-моему, ничего.

– А с правилами?

– Совсем хорошо. Я, знаете ли, как это свойственно некоторой части интеллигенции, немного расхристанного поведения...

– Но не мышления?

– Стараюсь. Не очень-то я верила в разумность и необходимость различных правил, инструкций, уложений, кроме главных, разумеется. А тут вдруг села в машину и впервые увидела, что правила все разумны, что соблюдать их необходимо, что они напрямую помогают безопасности людской, охраняют жизнь твою и всех вокруг...

– Так человек стал конформистом, – включилась в беседу Тамара Васильевна.

– Да. И что? Машина, конечно, повышает разумную законопослушность...

– И, может быть, даже способствует правовому самосознанию. Мы же очень безграмотны в этой области. – Лариса сказала это в ернической тональности Стаса и усмехнулась.

– Не обобщайте, Валерий. – Тамара старательно поддерживала беседу. – Вещи твои – враги твои. Так ведь сказано?

– Что ж вы тогда, Тamarочка, в очередь прискакали? Да еще так оперативно, с самого начала?

– И я становлюсь конформисткой. Уход от молодости. Конечно, если денег поднабрали. Неизвестно только, что сначала: конформизм или машина? – И Тамара вышла погулять, размяться.

Разговор продолжался в русле, проложенном Тамарой.

- Уход от молодости все же не вещами, не деньгами, не конформизмом определяется.
- Составные части. Не скажите, Валерий Семенович...
- Не думаю, чтоб я был много старше вас.
- Возраст определяется качеством организма, а не количеством прожитых дней. – Ларисе-то как раз казалось наоборот: с ее точки зрения, он был явно моложе. – Но зачем об этом? Все составные части, Валерий.
- Мне же кажется, что с возрастом уменьшаются не возможности, а потребности. Так сказать, могу, но не хочу.
- Лариса засмеялась:
- А я уверена, что с возрастом появляется ощущение постоянных повторов: было, было и это было. А? Повторы, повторы...
- Так потому и не хочется!
- Вы философ! – Лариса рассмеялась. – Скажите лучше, как прожить нам эти дни? Ведь сохнем так.
- Знаете что, езжайте-ка вы со своей подружкой на часок домой. Умойтесь, поешьте, нам привезите что-нибудь.
- Видите, блат уже действует.
- Иначе не проживешь. Слава Богу, существует он. Вы машину на свое имя хотите записать?
- Да. Эта была на мужа, так что ему сейчас уже не дадут.
- В очереди сами будете стоять или с подменой?
- Сама. Мужа на это не подвигнешь.
- Лично меня это радует.
- Так я поеду?
- Но не больше часа, мало ли что.
- Договорились. Что привезти? Кофе, чай?
- Лично я предпочитаю кофе.
- Что это вы так уважительно со своим «лично я»?
- Начальник потому что, наверное.
- Большой?
- Не очень. Но какой-никакой, а кто-то мне подчиняется.

Через час Лариса вернулась с бутербродами и кофе.

Утром она должна будет прокатиться по магазинам, если нынешний временный ее начальник, временщик, разрешит: дома ничего не было, а маме трудно. Если она сама не поедет, то в доме нечего станет есть.

Около четырех часов ночи опять была проверка. Практически никто не выбыл, и очередь не укоротилась. Но как бы она ни уменьшалась, из сотни своей Лариса уже не выйдет. На эти дни судьба связала их крепко: очередь – это тоже общность людей, объединенных одной целью, одной задачей и пытающихся достигнуть своей цели одним и тем же методом, одними и теми же средствами. Люди стояли, прохаживались, разговаривали, сидели в своих машинах, ходили друг к другу в гости – в машины.

К утру они уже многое знали друг о друге, по крайней мере, кто и где работает. Выяснение остальных деталей было впереди.

Около шести часов в машину к Ларисе пришел мужчина лет под сорок. Соседка и напарница, а сейчас наперсница Ларисы, кинорежиссер Тамара Васильевна спала на заднем сиденье.

- Здравствуйте, Лариса Нарциссовна... – Борисовна...
- Простите, но Валера мне так сказал... Можно мне посмотреть, как и что устроено в вашей машине? У мужчин смотреть неудобно: неудобно, что я совсем ничего не знаю. А потом,

у женщины должно быть поаккуратней. У вас есть какие-нибудь приспособления? Дополнительные? Сами что-нибудь в машине делали?

Лариса от внезапного раздражения, может, от усталости, от бездельного существования, от отсутствия надежной, реально достижимой цели была не очень любезна.

– Да все у меня, как у всех. Ничего я не делала, а аккуратность – только на работе и в одежде.

– Вижу, вижу. А вот этот короб у рычага перевода скоростей у всех разве?

– Это купила. В магазине продается.

– Вижу, вижу. А чехол на руль где купили?

– Не помню уже. Да он старый. Видите?

– Вижу, вижу.

Отсутствие любезности сыграло роль: посетитель, сказав еще несколько раз «вижу, вижу», опять канул в толпу.

Штаб очереди, оргкомитет, отцы общества, когда собирались вместе, выглядели уже совсем внушительно – одних «сотников» было человек пятнадцать.

Утром, около девяти, они вновь объявили перекличку. Несколько человек выбыло из второй сотни, и Лариса чуть продвинулась вперед. Может, люди решили сбегать на работу – отметиться, или сообщить, или просто предупредить. Впрочем, не исключено, что кто-то и не выдержал, отказался от идеи автособственничества.

Лариса из автомата позвонила в отделение: «пожара» нет, сказали ей, все более или менее благополучно.

– Нарциссовна...

– Борисовна.

– Аминь. И прекрасно. Все равно. Съездили б вы еще разок. В течение часа проверки не будет, ручаюсь. Купили б что-нибудь похарчиться. Возьмите деньги.

– Деньги у меня есть. Боюсь только.

– Гарантию даю. Даже если в очереди стихийно возникнет такая мысль, я протяну до вашего приезда.

Ларисе и самой это было нужно: и по магазинам поездить, еды поискать, и продуктовый заказ от Стасовой работы сегодня надо было получить.

Тамара Васильевна поехала с ней.

В ближайшем гастрономе они быстро пробежали по отделам, выбрали, что им было нужно из того, что есть, разошлись – одна к продавцу, другая в кассу. В отделы, где было много народа, они даже не заходили, обошлись, так сказать, минимумом.

Затем были определены и распределены задачи: Ларисе – сварить кофе и наполнить им термосы, Тамаре – приготовить бутерброды и разделить курицу. Дочь, придя из школы, изжарит ее к следующему набегу двух гипотетических владелиц новых автомобилей. В магазине ни о чем не разговаривали – было не до этого. Лариса решила еще заскочить в мясной отдел – купить что-нибудь для дома. Около морозильного желоба для продуктов толпились люди и смотрели на дверь отдела, откуда должны были вынести мясо.

Удалось и им дождаться.

В подъезде Лариса выгребла из забитого почтового ящика газеты, журналы, письма. Все было Стасу, но он за такой малостью спускаться, конечно, не стал.

Дверь в комнату Стаса была закрыта: уже работал, сейчас к нему лучше не соваться. Он, наверное, весь ушел в рисование своих закорючек: интегралов, логарифмов – кто их знает, как они называются. Самое сложное слово из этой области, оставшееся в ее голове еще со школьной поры, – «логарифм», а уж слово «интеграл» запало в нее позже, когда соклассники, задурманные малопонятными терминами, пошли в технические институты и гордо понесли в старую компанию все вновь узнанное. Она в долгу не оставалась и сыпала своими, не менее дикими

для чужого уха медицинскими заклинаниями. Ведь, чуть научившись чему-то, так приятно поражать непосвященных. А вот Стас, который постоянно занимался этой интегрально-дифференциальной чепухой, всегда щадил ее мозг и уши: в их обиходе не было профессиональных, заумных, узкоспециальных, поражающих слух и воображение разговоров, неведомых слов, кроме прочно вошедших в его жизнь из математики выражений и оборотов: «инвариантно», «по определению», «договоримся о терминах», «экстраполировать» и других, ныне обычных в речах образованного человечества. Стас достаточно образован и интеллигентен, чтобы разговаривать не на птичьем языке профессионалов. Впрочем, она-то и сама нередко грешила сугубо специфическими, то есть патогномоничными, как выражаются медики, изысками врачебного воляпука.

Короче, Станислав рисовал закорючки, мама мыла посуду, Коля был в школе – все при своих делах.

– Ларисонька! Это ж невозможно. Ты ж совсем подорвешь свое здоровье!

– Мне из больницы не звонили?

– Нет, никто.

– Коля в школе?

– Все в порядке, Ларисонька.

– Мамочка, поставь чайник – я пока в больницу позвоню... Владимир Никитич? Здравствуйте, Володя... Да, я. Что там у вас происходит? Все в порядке?.. Мне бы не хотелось эти несколько дней появляться в отделении... Правда, я в отпуске, но мало ли?.. Вожжина? А что у нее? Ее же можно было выписывать уже... И большая температура?.. Когда случилось?.. Ну, это еще ничего. Отека сбоку нет? Как складка пальцами берется? Ну, это Бог с ней. Я постараюсь все-таки выбраться к вам. Но сейчас, в общем, не пожар, да? Не горит, да? Сделайте все анализы... И биохимию обязательно, не забудьте. Ерунда. Смотрите правде в глаза – это выгодней. Ну зачем искать в сердце, в легких, успокаивать себя да время тратить, когда у нее полно оснований все штучки получить от живота... Осложнения всегда лучше и выгоднее искать в месте операции, они там чаще бывают. Ладно, Володя... Я позвоню еще. Кто дежурит сегодня?.. Ладно.

Лариса снова ворвалась на кухню. Чайник уже кипел. Затарахтела мельница. Одну порцию кофе намолотала. Еще. Еще порцию. Затем залила кофе кипятком и поставила на огонь. Потом провела серьезное обследование холодильника, запасов семьи. Выяснила нужды.

– Мамочка, купи сметаны.

– Хорошо, куплю. И еще творог куплю.

– Хорошо, хорошо, но главное – сметану.

– Творог тебе тоже пригодится.

– Конечно, конечно. Но главное – обязательно купи сметану.

– Сметану куплю, сметана есть, а вот творог хороший не всегда.

– Мама, я ж тебе говорю, когда пойдешь, сметану купи обязательно. Слышишь?!

– Что ж ты кричишь сразу? Я ведь только говорю, что творог тоже нужен, и все.

– Я и сама знаю, что нужно, но сметана просто необходима. Почему я не могу сказать, что мне нужно, почему ты всегда обязательно предлагаешь другое?

– А разве тебе творог не нужен? Я ведь не против сметаны.

В кухню вошел Станислав Романович.

– Недолго длился наш покой! Вновь слышу веселия глас.

Он снял очки, протер их и водрузил на голову – не на глаза, не на лоб, а на темя, откуда они довольно быстро соскользнули по гладкой поверхности вниз и привычно оседлали нос, прикрыв глаза чуть затемненными стеклами. Эти очковые пассажи несколько умили разгорающееся пламя на кухне.

Лариса уже наливала кофе в термосы.

- Рисуешь все?
- Рисовал, пока не затарахтела твоя кофейная техника.
- Мешает?
- Нет. Наоборот. Я стал интенсивно, продуктивно и абстрактно думать об окружающей конкретике.
- И каков практический выход продукта?
- Решил, что сдержанность, отсутствие вспыльчивости, внутренняя бесконфликтность и будут, прежде всего, главными проявлениями, лучшими показателями ума.
- Чем упрекать, приложил бы лучше и свои усилия. Это ж не на один день.
- Я тебя предупреждал: ни ради подвижности, ни ради неподвижности утруждать свои пальцы лишними ударами друг о друга не стану.
- Ты говоришь, как представитель иной, более развитой цивилизации: понять тебя я не могу, а допустить, что это глупость, не смею.
- Уже слышу разумные речи. Объясняю: вещи ограничивают свободу. Чем терзаться, изыскивая пути наилучшего употребления имущества, лучше получать радость, наблюдая, как и что у других. Ради вещей – никаких лишних трудов.
- Да не ради вещей! Ради удобства и удовольствия. Сам же ездить будешь. Тебя ж возить придется.
- Можно и на такси.
- На такси! Да ладно, что там машина!.. Ты работаешь дома: пишешь, считаешь, думаешь, лежишь, пьешь...
- Дома? Пью? Редко.
- Тем более. Дома ты же можешь проявить себя хозяином, вождем семьи...
- Нет, нет! Вы, женщины, берете все в свои руки. Вы и у станков, и в поле, и в самолете, и даже в хирургии, что уж совсем напрасно, по-моему. Вы загоняете нас в подполье... Я согласен... Берите, забирайте свою эмансипацию и лидируйте на здоровье...
- Ты? В подполье? Ты на тахте.
- Да. Но работаю. Зарабатываю тебе, вам, всем... деньги. Вот и берите... Берите деньги, берите душу, берите тахту, постель, бумаги... Берите в полон, я подчиняюсь... Но тело и время оставьте мне.
- Душа и деньги!..
- Ну, не точно. Даже на работе я не могу позволить себе решать те задачи, которые хочу, а только те, которые необходимо. Поэтому дома определяй задачи ты. Но оставь мне мое тело и время, пожалуйста.
- А я на работе что? Оперирую что хочу или что надо?
- Ты, во-первых, начальник: многое решаешь сама, тебе привычно. Во-вторых, в-главных, ты вурдалак, ты вампир, ты от любой операции получаешь радость и удовольствие, поэтому продолжай и дома – командуй.
- Ну ладно. Давай прекратим споры. Прекратим. Не время. Делай что хочешь. Иди, работай.
- Молодец. Командуешь. Получается. Но теперь я должен обрести душевный покой, сначала прийти в себя. Споры всегда уводят мозги в сторону от продуктивного мышления.
- Хватит, хватит, прекратили. И стань на голову.
- Так и сделаю. Постою, подумаю.
- Подумай, подумай. Лучше б не пил – обошелся бы без своей йоговатости. Не грешил бы – и каяться не пришлось.
- Каяться, кума, надо всегда. Без греха нет ни покаяния, ни радостей. – Станислав повернулся и спокойно, вальяжно двинулся к себе в комнату. – Кстати, а где вы проводите свои игрища, или бдения, или гульбу, – не знаю, как это определить?

– Напротив райисполкома. Мамочка, обед я приготовить не успею. Кольке-то есть обед?

– А как же! Что ж он, голодать будет, что ли? Лариса собрала термосы, кинула какие-то пакеты из холодильника в сумку и побежала одеваться.

Все бегом, все быстро. И как она ухитрялась бегать по столь малому пространству их квартиры!

Надев пальто, она приоткрыла дверь мужниной комнаты и твякнула туда:

– Осторожно, здесь злая собака.

В ответ откуда-то снизу, от пола, она услышала:

– Злая собака сбегает. – Интонация была примирительной.

Голова Стаса покоилась теменем на коврике, руки от сцепленных пальцев до локтя обтекали голову в виде замка, помогающего устойчивости, ноги покачивались на уровне Ларисиных глаз. Она оглядела привычную картину – ноги, стол, бумаги, пепельницы, – махнула рукой и побежала, крикнув в закрывающуюся дверь:

– Гедонист плюшевый!

Все это, пожалуй, было не злобно, а скорее привычно: обязательная дань их обычным отношениям. Так она подумала... Впрочем, она не подумала, она знала. Думают, когда не знают, а когда знают – делают. Она знала, что Стас ей близок, близок по духу. Близость кровную она не признавала.

Лариса, не дожидаясь лифта, сбежала вниз по лестнице.

Тамара уже была около машины. Они уселись и понеслись, как на сказочной огненной колеснице, в бой за свое счастье. Они торопились, и в одном месте лихая, спешащая автоамазонка нарушила спокойное движение машин – подрезала путь при обгоне. Водитель гуднул, погрозил кулаком и что-то неслышное крикнул им вдогонку. По странной и не всегда праведной солидарности сидящих в одной машине Тамара стала ругать возмутившегося, грозившего кулаком коллегу по дороге.

– Да нет, Томик. Это я не права. Вот и ГАИ свистит. Все правильно.

Лейтенант не торопился. Он попросил права, потом техпаспорт, проверил наличие талона техосмотра, потом стал читать нотацию. Лариса нервничала: они уже исчерпали лимит времени.

– Товарищ капитан, накажите, накажите. Виновата. Спешу...

– Во-первых, я не капитан. Во-второ...

– Извините. Я в этом не понимаю. Вот если у вас на плечах или на лице будут признаки болезни, это я разгляжу.

– А вы кто? Доктор?

– Да.

– Какой?

– Хирург.

– Хирург? Женщина?..

– А что, не встречали?

– Встречал, конечно. И что вы у меня увидели?

– Ничего. Здоров.

– В больницу спешите?

– Хуже. Стою в очереди на машину.

– Где?

– Вон там, у райисполкома.

– Ну, подумайте! Все уже знают. Ладно, езжайте.

– Спасибо. Не болейте.

– Пожалуйста. Не попадайтесь.

– Да я случайно.

– Что значит случайно? Хотите сказать, что машина вас ведет, а не вы машину?

– Нет же...

– Возьмите удостоверение. До свидания.

Лариса побежала к машине, и еще через три минуты они были на месте.

– Молодец, Нарциссовна! Сейчас проверочку учинять будем.

– Вы мне надоели с этой своей Нарциссовной.

– Должен же я как-то компенсировать попустительство вашим незаконным поездкам.

– Вот и пожалуйста. Кофе, еда, во всяком случае, более материальная компенсация. Да и с разрешения ведь я.

– Разрешения тоже незаконны. Понимать надо. Видите, очередь уже какая? Тысячи две, а то и больше.

– А сколько запишут?

– Кто же знает! Мои люди не знают.

– Вы здорово вошли в роль.

– Положение обязывает. Ответственность за всех вас к тому же. Короче, заведомо ясно, что всех не запишут.

– Разумеется.

– Очередь живая. Мы заняли плацдарм, более или менее близкий к вожаемой точке. Но если, скажем, более далекие сотни чисто физически нас с этого места толкнут, то мы, не имея никаких официальных разрешений и мандатов, вынуждены будем лишь облизать усы и умыться.

Все засмеялись.

– Не смешно. Вполне возможная перспектива.

– Кто же будет нас сталкивать? – Лариса усмехнулась. – Тогда все условия и условности разрушатся, очередь сломается и перспективы рассыплются

– ...Что и надо не имеющим надежд. Им же нечего терять, кроме своей бесперспективности.

– Нет. Глупо. На это не надо рассчитывать. – Тамара пожала плечами, вытащила из сумочки зеркало, помаду и стала наводить красоту. – Нельзя жить только с расчетом на неприятности. Это «импоссибл» – невозможно то есть, как сказали бы англичане. Валерий Семенович усмехнулся:

– Вполне «поссибл». Мы столько времени здесь проторчим – чего только не придумаешь. Сообщение моих людей из четырнадцатой сотни – идея возникла там. И пустое стояние разнообразят, и успех может оказаться вполне реальным. И мир потешат. В конце концов, не они же виноваты, что поздно узнали и поздно приехали.

– А потом их выпихнут, других тоже выпихнут. Все стоящие впереди должны вступить – их участь тоже тогда сомнительна. – Лариса, по-видимому, мыслила хирургически.

– Но это ж абсолютная афера!

– Все возможно, Тamarочка. Нет надежды, так хоть поиграть. Наш гражданский долг, дорогие девочки, – отстоять место.

– Наш гражданский долг – не портить землю, воду, лес и небо.

– Тamarочка, это в кино, а мы в очереди, где скучно и грустно, а цель ясна и конкретна. Валерий поел. Появились довольство и уверенность:

– Это ж не война!.. Война – полная разобщенность с противником... Например, с четырнадцатой сотней! Правда, зато и полная солидарность у нас... в нашей сотне. Да, Лариса?

– До какого же падения надо дойти, чтоб предполагать подобные эксцессы?!

Включилась Тамара:

– Детям же не говорят, что играть в войну – играть в убивание. А потом вот и строят такие, так сказать, рабочие гипотезы.

Нелепые предположения, смурной разговор закончился, все вышли из машины и заняли свои места непосредственно в «живой» очереди.

К машинам подъехал милицейский автомобиль с надписью на багажнике «ПМГ» – подвижная милицейская группа. Автоводителей больше страшит ГАИ – государственная автоинспекция. На этих особого внимания никто не обратил. ПМГ для собравшихся, которые уже ездят на машинах, как бы и не «начальники». А вот из ГАИ штрафуют, прокалывают талоны, лишают прав, снимают номера.

Почему-то автоводители, как клан, как каста, считают, что служба охраны порядка делится на наводящих порядок среди двигающихся на колесах и шагающих ногами. Абсурд! Порядок – дело общее, вне зависимости от скорости и метода передвижения. Да и вообще: очередь забыла, не учла, что сейчас все они лишь скопление безлошадных пешеходов, а не водители.

Четыре милиционера подошли к ближайшей кучке людей, и старший спросил:

– В чем дело, граждане? Что здесь происходит?

– Запись на машину.

– Где запись? Кто представляет государственные организации?

– Нет их пока. Запись еще не началась.

Отвечали сразу несколько человек, перебивая друг друга.

– Если нет записи, почему же вы тут собрались? Об этой записи сообщали в газетах, по радио? Есть объявления официальные?

На этот раз ответил кто-то один:

– Да вы что, товарищ начальник? Об этом не объявляют.

– Тогда зачем здесь преждевременная суета? Опять ответил кто-то один:

– Никакой суеты, все спокойно. Транспорту, движению не мешаем, под окнами школы не шумим... Здесь же пустырь.

От самого начала очереди подошел какой-то невысокий, коренастый мужчина. Ему, наверное, было холодно. Может, болен. Воротник дубленки поднят, уши красивой меховой шапки опущены. Утеплен не по сезону. Он встал за спиной у начальника подвижной милицейской группы, прослушал реплики и сказал:

– Командир, все в порядке. Никаких нарушений. Запись будет. – Сказал, как припечатал. – Нам же не в шашлычных об этом сообщили.

Мужчина произнес это, повернулся и медленно пошел в сторону.

Старший группы помолчал, вытащил сигарету. Кто-то поднес зажигалку.

– Да-а. Сохраняйте порядок, товарищи! И учтите... Что учесть, он не уточнил. Милиционеры вернулись в свою машину, однако не поехали, а заняли позицию у маленького домика на пустыре.

В толпе поднялся общий гомон:

– Не имеют права не разрешать...

– А никто и не запрещает...

– А если мы нарушаем тут порядок!..

– Никто никакой порядок не нарушает. Все тихо. Запись!

– Записи-то еще нет...

– Но она уже намечена государственными организациями.

– Вы точно знаете?

Мужчина с поднятым воротником и опущенными ушами шапки вновь придвинулся к кучке, проник в самый центр гомонящих и веско сказал:

– Точно. Точно знаю. Разрешено. Они уяснили. – И ушел к своей машине. Остальные тоже стали расходиться.

Над очередью стоял ровный гул, какой бывает перед праздничными демонстрациями около учреждений, заводов и институтов, где накапливаются люди перед маршем.

Из одной машины неслась магнитофонная запись, знакомый голос примиряюще пел: «Возьмемся за руки, друзья, возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...» Там сидело четверо мужчин, в руках у них были стаканы и бутерброды.

К Ларисе подошла молодая женщина:

– Лариса Борисовна, простите меня, пожалуйста, я знаю, вы хирург, я в следующей сотне стою, за вами. У меня в животе появились боли непонятные. Не могли бы вы меня посмотреть?

Они пошли к машине. Лариса разложила сиденье справа, чтоб самой сидеть слева и пальпировать правой рукой.

Женщина была относительно молода и безусловно хороша собой: короткие рыжеватые волосы, серые веселые глаза, вернее, веселыми были морщинки вокруг глаз, красивый, все время чуть приоткрытый рот. Лариса обратила внимание на сапоги этой женщины и подумала, что ей тоже надо заняться поисками сапог. Потом посмотрела на модный лак на ногтях, но без зависти. Как хирург за много лет учебы и работы она совершенно отказалась от украшения своих ногтей.

– Кем вы работаете?

– Парикмахером.

– Ценный кадр.

– Милости прошу. Всегда рада буду.

– Ладно. Это потом. А как вас зовут?

– Нина.

– Когда заболело?

– Часа три уже.

– И что, сейчас хуже?

– Нет. Не хуже. Противно.

– А где болит?

– Сейчас где-то в середине, а раньше выше было.

– Расстегните кофточку и чуть приспустите юбку. Лариса пощупала живот. Если б они были в больнице, то сделала бы анализы, подержали Нину часок в приемном отделении, понаблюдала, потом приняли решение. Аппендицит исключить нельзя.

– Хорошо бы, Нина, в больницу... анализы сделать... понаблюдать...

– А вы что думаете?

– Может, и аппендицит. Особой срочности нет, не пожар, но все же.

– Аппендицит? А что-нибудь принять можно?

– Опасно. Давайте я вас свезу в больницу...

– Что вы?! Меня до вечера никто не сменит. У нас же совсем нет машины. Вы, в конце концов, и на этой еще можете поездить...

– В конце концов-то можно и без машины, если здоровье...

– Обойдется. Ладно. Посмотрим, Лариса Борисовна. Обождем. Вы же здесь, если что.

– А откуда вы меня знаете?

– Слышала разговоры.

Лариса обрадовалась, но Нина стоит в очереди позади нее, иначе она не могла бы с чистой совестью предложить ей поехать в больницу. Мало чего та подумает...

Они вышли из машины и услышали уже другую магнитофонную запись, другой голос, совсем не умиротворяющий, а с приклатненной хрипотцой.

На месте Ларисы в очереди стояли и разговаривали Валерий, какая-то незнакомая женщина, Тамара и еще один юноша из их сотни, выделенный помощником «сотенного», «подъесаул», скажем. Разговаривали активно, жестикулировали в основном трое – незнакомая жен-

щина, Валерий и Тамара. «Подъесаул» молча переводил глаза с одного на другого. Женщина оказалась учительницей, она до вечера подменяла мужа; юноша – шофером-таксистом.

Бурная беседа была посвящена литературе. Лариса поняла, что юноше жалко было тратить много времени в школе на литературу. В жизни знание Пушкина, по его разумению, не помогает. Валера смеялся и, вторя юнцу, предположил, что Америка, например, прекрасно обходится и без Пушкина.

Все ж какое-то веселье. Время катилось. Беседа катилась. Слово «Пушкин» перекачывалось из одних уст в другие. Говорили о языке, о «жестоком веке» и «пробуждении добрых чувств», про человеческие чувства, про обычную любовь, про «Жди меня», про «Пять страниц». Завершилось это бурное собеседование о поэзии категорическим заявлением юноши:

– Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей.

Первым засмеялся Валерий, потом Лариса, затем обе дамы, и, наконец, засмеялся юноша – уж больно неожиданно на фоне незнания отбарабанил он эту строку.

Им было весело, и они смеялись. Почему они смеялись? Обстановка и впрямь напоминала праздничную.

Смешно.

Юноша пошел к машине, из которой неслся тот же приклатненный голос с хрипотцой.

Валера решил пройтись вдоль очереди, вдоль своей сотни, посмотреть на людей, о чем-то с кем-то поговорить, может, удастся и запомнить своих в лицо. Но, в общем, это ни к чему – они ж будут меняться.

В начале своего сектора он увидел молодого длинноволосого мужчину, изумленно таращившего глаза на это скопище людей, стоящих, гуляющих без какой-либо видимой цели. Валера по праву вожака стаи свободно и раскованно обратился к явно озадаченному пришельцу:

– Так чем же озадачены, товарищ?

– А, начальник! – Молодой человек тоже оказался не очень скован условностями. – Вот думаю, как сочетать приятное с полезным, личное время с производственным заданием, отдых, так сказать, и дело.

Валерий, очевидно, неправильно оценил его с первого взгляда.

– Сложно говорите. Что вы называете отдыхом?

– Вот эту фиесту.

– А делом?

– Я журналист, газетчик. Мне надо у какого-либо мало-мальски интересного человека взять интервью. Ответы на вопросы.

– Много вопросов?

– Три. «Каким вы представляете себе культурного человека?»

– Пища для ума. Дальше.

– «Как соотносите образование и культуру человека?»

– Воистину вы нашли время и место для этих рассуждений! И третий?

– «Какими путями улучшать себя?»

– Так, значит, на эти прекрасные вопросы вы решили искать ответы в этом прекрасном месте, в этой прекрасной компании, с этими прекрасными людьми? Сделаем!

– А чего ж время зря терять! Пока стоим...

– Большой человек! Да вы радуйтесь жизни, веселитесь, смотрите, как все оживлены, довольны, я бы даже сказал, разбужены и разгульны!

– Вот и подыщите мне здесь такого человека, который биографически, профессионально, интеллектуально был бы компетентен ответить на эти вопросы. А, начальник?

– Вон, видите, стоит интересная женщина с еще не начавшей уходить красотой? Хирург. Заведующая отделением, остра, про Пушкина что-то понимает. Ее вот спросите. Лариса Нестеровна зовут.

Валера пошел с обходом дальше, журналист направился к Ларисе.

– Извините, пожалуйста, Лариса Нестеровна...

– Борисовна, Борисовна я, не Нарциссовна.

– Нарциссовна?! Простите меня. Так начальник вас назвал.

– Понимаю, что он, потому и злюсь. Уже и Нестеровна? – сначала резко, а потом, одумавшись, с улыбкой сказала Лариса. – Я вас слушаю. Болит что-нибудь?

– Нет. Я не с делом, я с добром.

– А если без красоты, что имеете в виду?

Лариса все же сочла это делом, хотя, может быть, и добрым. Слазала, что подумает, и пригласила газетчика попозже прийти к ней в машину.

К Валерию подошли несколько представителей их сотни и предложили, почти потребовали немедленно снова провести проверку. По уговору было заранее решено, что проверки надо проводить не через равные промежутки, а неожиданно, по желанию хотя бы нескольких человек. Техника проведения проверки была такова: кричат, поднимают на палке транспарант, после чего ждут пятнадцать минут – люди должны успеть собраться. Кто бежит от машин, кто из какой-нибудь группки, где болтают на любую подвернувшуюся тему или анекдоты рассказывают, кто от ближайшего дома, если в подъезд ушел погреться. Ждут пятнадцать минут, во имя высшей справедливости, чтобы не было слишком сурового отношения: ведь сегодня ты отошел подальше, завтра я.

Человек тридцать сбились вокруг Валерия Семеновича уже в первые две минуты. Постепенно этот комок людей разрастался, набухал, расширялся. Проверку проводил Валерий, поэтому он и чувствовал себя наиболее свободно. Практически он один и говорил, остальные молчали, ожидая, когда будет назван его номер.

Проверили. Перекликнулись. Сотня уменьшилась на несколько человек, и недостающие единицы были передвинуты из четвертой сотни.

Лариса решила использовать возникший перерыв: проверки в это время почти заведомо не будет. Можно съездить в больницу. Она хотела захватить с собой девушку из парикмахерской – вдруг все же аппендицит. Надо бы сделать хоть анализы, да и посмотреть пора второй раз. Девушка, торопясь и захлебываясь, проболтала, что ей полегче, что можно подождать еще, что в их сотне не проводили еще переклички, что она уйдет из очереди только тогда, когда придет на подмену ее муж, который работает автомехаником на станции техобслуживания и раньше восьми часов закончить не может, а вот когда придет, она сама найдет Ларису, познакомит ее с мужем, и муж, наверное, пригодится доктору, а сейчас все обойдется и так...

Лариса параллельно ее трескотне думала, что такое знакомство, безусловно, необходимо, без парикмахерской-то она обойдется, иметь же знакомого автомеханика – большая жизненная удача, и неплохо бы ей эту девушку прооперировать.

А дальше девушка сказала, что запишут не более пятисот человек и она, скорее всего, стоит напрасно. И все вокруг начали бурно обсуждать, сколько запишут, есть ли смысл оставаться. Сведения были разные, отовсюду шли противоречивые слухи, каждый высказывал свое мнение, у каждого был свой подход. Большинство хотело записаться на первую модель «Жигулей», потому что она самая дешевая, но их наверняка будет мало. Так, по крайней мере, говорили. Некоторые, наоборот, рассчитывали на самую дорогую модель, и все успокаивали их, считая, что дорогих машин будет достаточно и хватит многим. Однако, с другой стороны, те, которые надеялись на самую дешевую модель, если не будет выбора, конечно, запишутся на более дорогую. Тут ведь надо, как на охоте: увидел зайца – стреляй, иначе убежит и больше его не встретишь.

Лариса шла вдоль очереди и, словно кинокамера, зрением, слухом фиксировала отдельные кучки очередников. В каждой велись бурные споры, решались самые различные проблемы, вспоминались случаи, рассказывались побасенки.

Одна группка обсуждала пути проникновения на курсы водителей-любителей. Это было трудно, курсов мало, желающих много, очереди в клубах длинные. А экстерном сдавать экзамены теперь нельзя. Многие из стоявших в очереди не только еще не умели водить машину, но и не имели реальных шансов записаться в ближайшее время на курсы. Кто-то прекраснодушно надеялся, что вскоре, наверное, детей в школах будут этому обучать, ведь как-никак двадцатый век кончается. Кто-то с завистью говорил об организациях, где прямо на работе создают курсы автолюбителей.

Лариса прислушивалась и лицемерно думала: «Ни машин, ни прав... Зачем же обременять себя лишними вещами – врагами своими?»

Поблизости галдела еще одна компания. Оттуда время от времени доносились раскаты смеха. Должно быть, обменивались анекдотами.

Поплавав в этих беспокойствах, насытившись различной информацией, окунувшись в воды зависти, упреков, надежд и отряхнувшись от всего этого, Лариса Борисовна решила воспользоваться передышкой и съездить, пожалуй, не в больницу, а домой.

Снова она переговорила с Валерой, снова он записал на всякий случай ее телефоны дома и в больнице, и снова они с Тамарой умчались.

Тамара рассчитывала на приготовленную курицу, а Лариса надеялась, что дома есть обед.

Стас уже кончил рисовать закорючки – с несколько отрешенным видом он листал Фолкнера. Коля же, напротив, рисовал закорючки.

С тех пор как сын перешел в старшие классы, проверкой домашних заданий, особенно по математике, пришлось заняться отцу, который мог это делать утром и днем легко, без напряжения и, пожалуй, с удовольствием.

– Наш дофин, дорогая, достиг изрядных успехов в демагогически-дипломатических приемах по облапошиванию своих родителей.

– Теперь изложи попроще. Что случилось? Мне некогда.

– Он хочет мне доказать, что удачно решенный пример или задача и есть полное доказательство понимания математики. Я же пытаюсь ему доказать, что удача не есть следствие понимания.

Стас отхлебнул из стоящего перед ним стакана.

– Что пьешь?

– Прекрасное вино свалилось на меня по случаю и без очереди. Давали «Оджалеш». Более великого напитка я не пил уже около века. Видишь, как полезно иногда сходить на работу.

– Хватит скоморошничать. С утра пьешь!

– Виноградный сок, даже в виде вина, – полезное, витаминизированное питье, способствующее закаливанию организма, просветлению мозгов и укреплению всего остального тела. Ты же знаешь, что это полезно. Чистое сухое вино!

– Пап, но здесь же у нас совсем другие условия.

С отца слетела маска скомороха, и он с серьезным видом уткнулся в тетрадку.

Лариса пошла на кухню, быстро выпила чашку бульона, съела котлету, опять заполнила термосы. В бульон положила несколько холодных котлет. Может, и не очень авантажная пища, но для полевых условий сойдет.

– Mamochka, посуду помоешь, да?

– Конечно, помою. А кто ж помоеет! Вот только за хлебом схожу.

– Ладно, ладно. Но сначала посуду помой. Хорошо?

– У нас же хлеба нет. Коля еще обедать будет.

– Ну, что случится с твоим Колей? Нельзя же, чтобы посуда грязная оставалась, тараканов разводить. Какой пример для ребенка!

– Ну, хорошо. Я ж сказала, что помою. Только сначала быстренько сбегая. Это ж одна минута.

– Одна минута...

В дверях кухни стоял Станислав с сыном, по-видимому, продолжалась полемика, начатая еще в комнате. Естественно, с вином Стас не расстался и держал стакан в руках.

– Кончаешь школу – пора проститься со своим инфантилизмом. Учись и читай.

– Какой же инфантилизм? Ты посмотри на меня. У меня разряд...

– Не в этом взрослость и мужественность. – Стас отхлебнул из стакана. – Дивное вино. Редкость редкая. Инфантильность, милок, когда еще нет четких нравственных позиций. Соблюдаются какие-то этические каноны, а часто они лишь правила поведения, дорожные правила. Но внутренней нравственной позиции нет. Это и есть инфантильность человека, человечества, общества и так далее.

– Сложно ты говоришь, папаян.

– Ты читай больше, и сложностей для тебя меньше будет.

– Кто ясно мыслит – ясно излагает, прочел я где-то.

– Хорошо прочел. Кто много знает – легко и понимает.

– Мам, а ты опять надолго?

– Конечно.

– Хотя я все равно принципиально против ваших бдений, но принципы свои нарушу и, пожалуй, подъеду к тебе, заменю на некоторое время.

– Принципы нарушать, пап, – это тоже инфантилизм.

– Читать надо и для того, чтобы понимать юмор.

– Ну ладно. Он пусть читает, а тебе, если приедешь, спасибо. Подменишь – в больницу закачусь на минутку.

– Коля, ты слышал? В больницу! Закачусь! Как другой бездельник говорит про кабак. За-ка-чусь. Понял? – Станислав допил стакан. – Но иначе она была бы не твоей мамой, а чьей-нибудь еще.

Лариса выскочила на лестницу, к лифту, не слушая Стасовы филологические изыскания.

Тамара вышла из подъезда почти одновременно с ней, и они снова поехали на работу, на Голгофу – неведомо, как это точнее назвать. Поехали на пустырь, поехали в очередь, поехали к Валерию...

Лариса вела машину и думала о семье, о Стасе, о Коле. Об их волнениях за Колю, за будущее, за будущее детей, стало быть, за свое. «Почему мы всегда ругаем детей, когда волнуемся за них? Вот Коля на днях пришел поздно, и мы отругали его. Мы волнуемся, а ругаем его. Тиранство наше семейное и начинается с отсутствия альтернативы. Вот я знаю, что и как надо. И только так. Наверное, лучше: можно так, но если хочешь... А мы что?! А мы: иначе жить нельзя. Наш опыт... Опыт. Тут-то мы оба в семье лидеры. Тирания начинается с семьи. А, черт... Притирают меня. Грузовики не обращают внимания на маленькие машины. Большие они – и все должны отбегать, отъезжать, у них сила, их бояться должно. Их право – сильного. Да, действительно, они дело делают. Так они, грузовики, считают: они строят, товары везут, продукт созданный – делом занимаются. А легковушки что? Они людей катают, баловство одно».

Грузовик продолжал прижимать ее к осевой линии. Верхний край колес был на уровне глаз сидящих в «Жигулях». Здоровенный грузовик. Ехал и делал дело. Лариса чуть сбросила газ и пропустила машину вперед. Громада удовлетворенно фыркнула и ушла правее: мол, пожалуйста, езжай теперь, когда поняла свое место.

Лариса не стала ускорять свой бег – пусть себе грузовик убегает. Посмотрела назад в зеркальце. За нею гналась свора машин, сорвавшаяся на зеленый свет у перекрестка. Впереди приближался новый светофор, новое пересечение улиц. Там только что сменился красный свет, и Лариса нажала на педаль – хотела проскочить, пока тут открыт путь, и догнать стаю машин, несущуюся впереди. К следующему светофору она подходила последней в этой группе.

«Вовсе не последняя я, а первая, ушедшая от тех. Хм! Диалектика».

– Чего молчишь, Лариса?

– Задумалась что-то. И какой любящий подумать не любит медленной езды? Катишься, думаешь, рассуждаешь.

– За рулем нельзя задумываться.

– Я ж автоматически веду. Заложил программу адресную и еду. Все системы запрограммированы: на красный свет, на перекрестки, на ГАИ – на все.

– Автоматика, наверное, только у профессионалов.

– Я более ста тысяч наездила. Должна и у меня выработаться.

– Ты спать не хочешь?

– Нет, привыкла. Когда дежурила, привыкла не спать.

– А мой как приходит домой, так ложится.

– Всегда?

– Ну, не всегда. Читает тоже. Работа тяжелая. И у меня тяжелая – я до него и не доберусь.

– А ты не злишься.

– Разве я, Лариса, злюсь?! Но что-то мне ведь нужно от него? Вроде его и нет у меня.

– Не поняла. Ты что, оправдываешься?

– Объясняю.

– Понятно.

– Что тебе понятно?

– Что ты не предаешь его, но что делать! Они засмеялись.

– Фильм мне дают. Самостоятельно делать буду.

– Про что?

– Еще сценарий не выбрала. Пока только «добро» дали.

– А когда?

– Читать буду. Закончим только эту нашу эпопею.

– Тамара, ты не знаешь, где сапоги можно достать? Мои уже рвутся.

– Это надо подумать.

Подъехали к очереди. Тотчас подошел юноша-таксист, помощник Валерия.

– Можно посидеть у вас, отдохнуть, погреться? Хотя и тепло, а все же холодно.

– Садитесь. Все в порядке здесь?

– Пока да. Говорят, ночью задние попытаются передних вытолкнуть.

– Да разве это серьезно?!

– Право слово.

– Это же глупо. Идиотство!

– Ну и что? Повеселимся. А может, им повезет?!

– А как же быть?

– Решили: мужикам не уходить. Жены чтоб не подменяли сегодня. Если вдруг что – по свистку сразу всем бежать к очереди.

– Простите, как вас зовут?

– Кирилл.

– Есть не хотите, Кирилл?

– Нет, спасибо. Я сейчас съел булку с пивом.

– С пивом? Зря.

- Почему зря?
- Если что случится, у вас, как пишут в больнице в историях болезни, «запах алкоголя».
- Да-а. Это я напрасно.
- Ну, я думаю, ничего не случится. Вон и милиция здесь постоянно.
- Случится. Машины-то нужны.

Наличие милиции Кирилл проигнорировал, и как будто в ответ, как будто получив телепатический приказ, милицейская машина включила фары дальнего света. Раздалось громкое покашливание в микрофон. Или в машине что-то увидели, или и впрямь получили телепатическое Кириллово сомнение в их возможностях.

– Вот видите, Кирилл? А вы спать не хотите? Посидите здесь, погрейтесь, а мы походим, посмотрим.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА

Валерий Семенович делал обход своего хозяйства почти в темноте. Полная темнота еще не наступила, однако все уже достаточно обесцветилось, посерело.

Зачем он делал эти обходы? То ли приятно чувствовать себя начальником, то ли просто для общения, то ли действительно нужно ему всех знать в лицо? Впрочем, категория «нужно» в этой его деятельности была весьма сомнительна, во всяком случае, относительно: очередь выстроилась, создалась, или, как любят говорить сейчас, состоялась, проверки проходили и могут проходить и без его команды. Правда, нет ни у кого полной уверенности, что все потечет, как предполагается, как ими запланировано: официального сообщения о записи все еще не было. А если и будет запись, то нельзя исключить, что она пройдет в другом месте.

Так или иначе, раз очередь есть, людей собралось много, должен быть порядок, должно быть лицо, этот порядок осуществляющее и олицетворяющее. Он представлял стихийно возникшее общество.

Валерий ходит вдоль своей сотни и непосредственно, вроде бы изнутри, осуществляет наблюдение и руководство.

Лариса и Станислав бьются дома, отдавая руководство друг другу. Они не хотят лидерства. Валерий взял эту миссию на себя сам, по собственной воле и даже с удовольствием.

Некоторые делают это из любви к власти, хоть вот к такусенькой и временной. Другие, казалось бы, бескорыстно сублимируют свою ущербность. Иные надеются обрести в этом выгоду.

Как часто люди, следящие за порядком в очереди, оказываются одними из немногих, которым очередь эта принесла удачу! Следить за порядком, создавать порядок, не пускать без очереди бывает порой выгодным.

Я пишу книгу о Ларисе Борисовне, о ее работе, о ее жизни дома, о ее судьбе эмансипированной женщины... Я хотел написать такую книгу. Но не оказалось ничего, что бы охраняло порядок и стройность моих размышлений, выстраивающихся слов, фраз. И опять я ловлю себя на том, что ухожу в сторону от якобы главной идеи, понудившей меня сесть за стол. И Лариса у меня «удрала» из больницы, и встретила она с людьми не своего круга, и занимается не своим делом, и летает не на своей высоте и по чужим маршрутам. У птиц генетически запрограммированы, до рождения предопределены сезонные перелетные маршруты. Лариса у меня почему-то отказалась от моих предопределений. Она пошла другим путем, и изменить его я уже не волен. Она тоже.

Я опять не хозяин даже своих желаний. Я опять пишу о своих внутренних заботах, которые лишь сейчас начинают смутно вырисовываться из мерцающих, воображаемых картин в физически реальные миражи. Да, пока еще миражи. Книги все-таки помогают выкопать в себе самом истинные твои заботы и беспокойства. А вдруг найду в себе что-нибудь дурное, а вдруг захочу и сумею изгнать из себя? Захочу ли? В конце концов, если в книгах есть что-то полез-

ное, так это гипотетическая возможность улучшить автора. Особенно если сделаешь ее достоинством других глаз, других умов. Тогда слово написанное обязывает. Может, конечно, и так. А может?.. Может, и нет. Во всяком случае, дает возможность.

Не всегда, правда.

А остальным книга лишь сообщает какую-то информацию. Иногда... Иногда она это делает красиво, легко, приятно и заставляет задуматься; а бывает, нудно, бездумно, тяжело лишь сообщает о разных поворотах судеб, перипетиях отношений, конфликтов и совсем не заставляет задумываться.

Наверное, книга главным образом важна для автора. Вот и Достоевский говорил, что писание дневников, книг помогает выделяться в гражданина. Кому помогает, а...

Лариса, Станислав, Валерий, Кирилл, Тамара – все это я; возможно, и нелепые их действия, и лепые, и неожиданные для меня заставляют выискивать в их курбетах мои недуги и ущербность.

Но ведь надо для этого в душах героев копаться – в их словах, высказанных мыслях, в делах и замыслах.

Вот Валерий принял на себя миссию ответственности. Для чего? Взял ли? Ответственность ли это? И миссию ли взял? А я? Заведую отделением хирургии. Тоже, что ли, взял миссию? Для чего? Что жду? Чего хочу? Чем рискую и на что надеюсь?

Станислав пьет. Болеет ли он? Просто ли бражник, гедонист, жаждущий только радостей и не желающий брать на себя лишней ответственности, радующийся женской эмансипации? Проходит ли даром такое отталкивание, отвиливание? По-мужски ли это? Кто его знает. О ком я пишу? О чем?

Лариса, обремененная заботами, которые подарены женщине двадцатым веком. Может, действительно ей лучше царствовать лишь дома? Не тяжел ли груз: власть в хирургии, в доме, в обществе? А дома неохота, что ли? Или все не так?

Да при чем тут я?!

Вот и надо подумать. Что ж, пойдем дальше.

Из группы оживленно галдящих и жестикулирующих мужчин навстречу Валерию вдруг вышел какой-то очкарик.

– Валерка! Привет!

– Борис! Здорово! Ты тоже здесь? Где?

Борис оказался в другой сотне, отчего Валерию Семеновичу все же стало легче.

Вместе с Борисом он работал несколько лет назад. Как-то, отдыхая на юге, Валерий встретился с его женой. Начался легкий разговорный флирт. Инна (так ее звали), пожалуй, слишком активно отдалась их словесному блюду, да и Валя (так она его звала) в разговорах, в шутках и даже в действиях несколько вышел за рамки своих представлений о порядочности во взаимоотношениях с женами приятелей. Какие у Инны были воззрения на эти проблемы, неизвестно, но она готова была перейти границу, за которой отношения Бориса и Валерия могли бы серьезно осложниться. В осторожных, ветвистых словесных периодах он объяснил ей свою точку зрения. Все это, конечно, было оскорбительно, что и проявилось как на лице Инны, так и в ее реакции, поведении: сначала растерянность, потом ожесточение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.